

УДК 130.2 + 141.

И.М. Макаренко

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В КУЛЬТУРЕ ПОСТМОДЕРНА: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

Статья посвящена исследованию влияния установок постмодернистской культуры на феномен личности. Среди результатов воздействия парадигмы постмодерна на личность рассматриваются невозможность личностной идентификации ввиду отсутствия гносеологически легитимных универсалий культуры, деформация спектра эмоциональной палитры внутриличностного пространства, нарушение ортобиоза процесса социальной интеграции личности в ходе инкультурации.

Введение

Человек – единственное живое существо, находящееся на стыке природно-биологического и духовно-идеального миров, представляет собой находящуюся в перманентном становлении систему, открытую к различным трансформациям. Не обладая, в отличие от животных, врожденным жестко-консервативным комплексом инстинктов и рефлексов, необходимых для функционирования в окружающем мире, индивид зависим от социальной среды и циркулирующей в ней культурной информации. Поэтому глобальные постмодернистские трансформации культурных парадигм неизбежно оказали влияние и на феномен человеческой личности. Последний, традиционно являясь приоритетной ценностью западного цивилизационного пространства, выполняет в европейской культуре роль своеобразного камертона, указывающего на степень отклонения культуры в сторону от магистрального азимута гуманизма, намеченного еще лозунгом античности: «Человек – мера всех вещей». Именно феномен человеческой личности играет кардинальную роль в обнаружении и преодолении методологических преткновений постмодернистского философствования и становлении культуры на путь постпостмодернистского обновления. Данная статья посвящена исследованию влияния постмодернистской парадигмы на являющийся стратегическим в ходе инкультурации процесс личностной идентификации.

Проблема влияния постмодернистской культуры на личность исследовалась как авторами – классиками философии постмодернизма (Ф. Джеймисон, Ю. Кристева), так и ее аналитиками (А. Генис, И.П. Ильин, М.А. Можейко, Ф. Шеффер). Например, Ф. Джеймисон сосредоточивает внимание на изменениях, произошедших в культуре постмодерна и касающихся эволюции эмоциональных аспектов внутриличностного пространства [1]. Ю. Кристева отмечает утрату субъектом постмодернистской культуры понимания сущности собственной идентичности [2]. А. Генис рассматривает процессы, касающиеся самовосприятия личности, в контексте культурного процесса, движущегося в направлении реактуализации архаически синкретичного восприятия мира и человека [3]. М.А. Можейко указывает на социальные аспекты, связанные с девиациями личностной идентификации в постмодернистской культуре [4]. Ф. Шеффер отмечает необходимость наличия универсалий для осуществления личностью надлежащим образом процесса собственной идентификации и констатирует их тотальное отсутствие в культурном пространстве постмодерна [5]. И.П. Ильин же отмечает виртуа-

---

Научный руководитель – М.А. Можейко, доктор философских наук, профессор, проректор по научной работе Белорусского государственного университета культуры и искусств

лизацию понятия «личность» вследствие деонтологизации языка и, следственно, всех понятий, закрепленных в вербальных средах [6].

Цель статьи – выявить результаты воздействия культурных парадигм постмодерна на процесс личностного становления человека и обосновать необходимость культурных программ пост-постмодерна.

Задачи: а) раскрыть характерные особенности постмодернистской культуры, препятствующие протеканию процесса личностной идентификации; б) показать влияние парадигмы постмодерна на внутрилличностное пространство; в) выявить преграды, возникающие перед личностью на пути социальной интеграции, и наметить пути их преодоления.

Парадигма постмодерна в современной культуре

Глубинные методологические трансформации, принесенные в сферу ментальности постмодернизмом, оказали сильнейшее воздействие на культурное сообщество как в рамках европейской культуры, так и в мировом масштабе. XX век открыл перед цивилизацией беспрецедентные возможности в сфере коммуникационных технологий, что радикальным образом отразилось на всеобщем культурном процессе. Как справедливо замечает Ф. Шеффер, если в «глубокой древности культурные веяния распространялись так неспешно, что, пока достигали других территорий, менялись в месте своего зарождения», то современная скорость культурной диффузии столь высока, что становится «весьма вероятным возникновение монолитной культуры, распространяющейся с большой скоростью и влияющей на огромные области» [7, с. 14]. «Благодаря современной технике коммуникаций, – отмечает Г. Кюнг, – взаимосвязи становятся все теснее» [8, с. 70].

Образование единого глобального коммуникационного пространства позволило постмодернистским идеям за достаточно непродолжительное время распространиться на обширные культурные территории и переместиться из области теоретического конструирования в чувственно-подсознательные сферы, управляющие поведением и деятельностью широких общественных кругов. Как отмечает И.П. Ильин, в отличие от постструктурализма, в известной степени ограничивающегося «относительно узкой сферой философско-литературных интересов», постмодернизм притязает «как на выражение общей теории современного искусства вообще, так и особой «постмодернистской чувствительности» – специфического постмодернистского менталитета» [9, с. 202]. И.П. Ильин подчеркивает, что постмодернизм затрагивает вопросы «не столько мировоззрения, сколько мироощущения, т.е. ту область, где на первый план выходит не рациональная, логически оформленная философская рефлексия, а глубоко эмоциональная, внутренне прочувствованная реакция современного человека на окружающий его мир» [9, с. 205]. В конечном итоге постмодернизм осознается «как выражение «духа времени» во всех сферах человеческой деятельности: искусстве, социологии, философии, науке, экономике, политике и проч.» [9, с. 202].

Актуализация постмодернистской ментальности происходила на фоне глубочайшего экзистенциального кризиса, проявление которого совпало с наступлением во второй половине XX века, прежде всего в странах Западной Европы и Америки, времени мира и изобилия. В шестидесятые годы прошедшего столетия, как отмечает А. Генис, «во взрослую жизнь вступило первое поколение, выросшее в беспрецедентном достатке и благополучии». Жизнь в условиях «невиданного раньше покоя и процветания» способствовала тому, что «перед нашим рациональным и секулярным веком открылась онтологическая бездна», которая, по оценке А. Гениса, существовала и ранее, но «в эпоху депрессий и войн ее доверху заполняли страх и повседневная борьба за существование» [3, с. 214]. Метавопросы смысла человеческого существования, будучи

вытесненными из сознания ужасами войны и социальных потрясений, не растворились в глубинах бессознательного, но вошли в латентное состояние, чтобы при ослаблении внешнего давления вырваться наружу с небывалыми размахом и силой. Поэтому постмодернистские идеи гносеологического пессимизма и критики на этом основании любых авторитетов были глубоко созвучны внутренней протестующее-мятежной опустошенности поколения, не находящего ответы на волнующие его вопросы. Так, характеризуя методологически близкий постмодернизму постструктурализм, И.П. Ильин отмечает, что в качестве аналитической теории последний является «по преимуществу тактикой разрушения всего общепринятого и укоренившегося в общественном сознании как неоспоримого набора «прописных истин»». Он считает, что «негативный пафос постструктурализма и является его главным содержательным аспектом» [9, с. 45]. Давая же краткую характеристику позиции Ж. Деррида, И.П. Ильин подчеркивает, что «она состоит в критике всего, что попадает в поле его зрения, сопровождаемой обычно вежливым сожалением о неизбежности подобных заблуждений как следствии метафизичности мышления, «типичной» для западной культуры» [9, с. 43]. Тем самым экзистенциальная депрессия вошла в состояние глубокой интеграции и резонанса с философской депрессией, что и породило многие кризисы, касающиеся различных сторон как отдельной личности, так и всего общества в целом. В результате на теоретико-методологическом уровне статус личности подвергся радикальным изменениям.

Кризис идентификации и его гносеологические предпосылки

В условиях когнитивного релятивизма проблематизируется феномен идентификации, которая, как замечает Ю. Кристева, становится все актуальнее: «все чаще слышатся жалобы людей, причем самых трезвомыслящих, на то, что они буквально не знают, кто они есть»; содержание их жизни сводится к тому, что они «как бы «делегируют» персонажей на сцену своей деятельности – в том числе пассионарной, любовной, хотя чаще общественной и профессиональной» [2, с. 14]. Проблема самоидентификации по своей природе является гносеологической проблемой. Человек нуждается в адекватном понятийном отражении самого себя и соотносительности этого отражения с системой знаний о внеположенном ему объективном мире. Однако подобное возможно лишь при существовании универсальных гносеологически легитимных понятийных оснований. Так, Ф. Шеффер подчеркивает необходимость наличия «общих категорий для мысленных представлений и внешнего мира». В противном случае человек «лишается универсалий, способных покрыть единичности его души», что приводит его к состоянию, когда он «начинает стенать: «Кто я такой!?!»» [5, с. 322–323]. Современного же человека философ характеризует как отчаявшегося «найти некую универсальную обусловленность, чтобы положить ее в основу своего мировоззрения как универсальный принцип, способный объяснить знание и жизнь» [7, с. 25].

Причиной же этому служит постулируемый постмодерном парадигмальный гносеологический пессимизм, отрицающий связь вербальных знаков с онтологической реальностью в силу невозможности когнитивного освоения последней. Поскольку познавательный прорыв к сектору означаемого постмодернистской философией отрицается, происходит суверенизация означаемого сектора в структуре знакового комплекса, что в свою очередь не позволяет легитимировать до степени абсолютного никакое языковое понятие. А поскольку мир культуры находится в отношениях теснейшей корреляции с миром языка, то культурное пространство, в рамках которого протекает процесс социализации индивида и в частности процесс личностной идентификации, становится релятивным и, согласно методологии постмодерна, виртуально-иллюзорным. В результате соприкосновения с языковой стихией обретает статус эфемерно-преходящего и феномен личности, которая рассматривается в постмодернизме как

структурированная по законам художественного повествования. Так, П. Клоссовски отмечает, что, «упраздняя себя вместе с идентичностями, язык, избавленный от всех понятий, отвечает уже не бытию» [10, с. 84], а следственно, не отвечает бытию и личность, обозначенная посредством языковых структур. А в силу того, что в тексте все «находится в процессе ежесекундного и многократного означивания, но при этом никак не сопряжено с итоговым целым, с завершенной структурой» [11, с. 55], личное сознание, отождествленное с текстом, также может рассматриваться лишь как бесструктурно-хаотичное явление. Аналогичный вывод постулируется и И.П. Ильиным. Размышляя над феноменом восприятия «сознания как текста, структурированного по законам языка», и организации «его как художественного повествования», исследователь отмечает, что и «сама личность в результате своего художественного обоснования приобретает те же характеристики литературной условности, вымышленности и кажимости, что и любое произведение искусства» [6, с. 99–100].

Воздействие ментальности постмодерна на внутриличностное пространство

Весьма существенны концептуальные трансформации, затрагивающие и внутриличностное пространство. Аналитически рассматривая тенденции современности, А. Генис отмечает, что «вселенная опять срастается в мир, напоминающий об архаическом синкретизме, не умеющем отделять объект от субъекта, дух от тела, материю от сознания, человека от природы» [3, с. 210]. Это созвучно с мнением И.П. Ильина, который подчеркивает, что вопреки традициям классической философии, которая «разрывала дух и плоть, конструируя в «царстве мысли» автономный и суверенный трансцендентальный субъект как явление сугубо духовное, резко противостоящее всему телесному, ...усилия многих влиятельных мыслителей современности ...направлены на теоретическое «скрещивание тела с духом», на доказательство постулата о неразрывности чувственного и интеллектуального начал» [9, с. 84–85]. Утрата понятия трансцендентального субъекта является следствием преобразований стратегического масштаба, таких как отход от мышления, опирающегося на бинарные оппозиции, утрата субъект-объектного противопоставления, иррационализм, радикальным образом влияющих на понимание ментальных структур и процессов внутри личности. Так, отступление от рационалистического мышления, основанного на методе антитезы, приводит к исчезновению демаркационной линии между явлениями и становится одной из причин идентификационного кризиса, поскольку фундаментальным шагом личностной идентификации является отделение себя от окружающего мира, то есть вхождение в антитетическое противопоставление, где «Я» ≠ «не-Я». Утрата же противоположения внутрисубъектных реалий – чувственного и рационального начал – делает методологически невозможной процесс рефлексии, обеспечивающий надлежащее функционирование и развитие личностного сознания социализирующегося индивида. Это приводит к самым различным последствиям, в том числе и к изменению спектрального ряда эмоциональной сферы личности. Ф. Джеймисон приходит к заключению, согласно которому «такие понятия, как тревога и отчуждение ...не уместны более в мире постмодернизма» [1, с. 128]. По его мнению, «освобождение в современном обществе от прежнего отсутствия ценностей, свойственного центрированному субъекту», свидетельствует о том, что «в настоящем не существует более Я, чтобы чувствовать». Поясняя свою мысль, философ уточняет, что «это не значит, что культурная продукция эпохи постмодернизма полностью лишена чувств, скорее эти чувства ...сейчас текучи и имперсональны и имеют тенденцию к подчинению особому виду эйфории» [1, с. 129]. Мыслитель рассматривает «это изменение в динамике культурной патологии ...как сдвиг, в результате которого отчуждение субъекта замещается его распадом» [1, с. 128].

Кризис идентификации и его влияние на процесс социализации

Не менее остра проблема идентификации и в социальном аспекте. Имманентной потребностью человека является необходимость провести идентификационный круг, определяющий ментальные границы его (человека) собственного существования и предоставляющий критерии, по которым можно ориентироваться в социальной среде (начиная от примитивной опознавательной системы «свой/чужой» и заканчивая тонкой дифференциацией в рамках межличностных отношений). Основой подобных идентификационных фильтров могут выступать различные ценностные платформы: религиозные верования, философские взгляды, политические убеждения, этническая принадлежность, социальный статус и т.д. Утрата же в рамках постмодернистской культуры стабильной системы ценностных приоритетов расшатывает основы социальной общности. Ибо процесс интеграции в сообщество требует от индивидуума прежде всего ясного понимания сущности склонностей собственной личностной природы, а также уверенности в надежности и легитимности ценностных приоритетов, положенных в основание того или иного социального института.

Отсутствие внеположенного индивиду аксиологического абсолюта, авторитетность которого была бы способна побудить субъекта социальных отношений сделать выбор в пользу общего («Мы»), а не своих единичных предпочтений («Я»), разрушает центральную опору любой социальной общности, от семьи и трудового коллектива до национально-этнической группы и мирового сообщества. Как отмечает М.А. Можейко, наряду с прочими ментальными преобразованиями «доведение постмодернизмом до логического финала идиографической методологии привело к утрате культурой постмодерна презумпции подчинения произвола индивидуализма обязательному для всех нравственному закону» [4, с. 301–302]. Логическим результатом подобной личностной сверхсвободы является одиночество и тотальный хаос.

Заключение

Таким образом, невозможность построения в культуре постмодерна универсального гносеологически легитимного понятийного поля приводит к различным деформациям в процессе личностной идентификации. Личность утрачивает универсалии, способные стать идентификационным основанием и сделать возможным определение тождественности личности в соотношении с метаобразом человека актуальной культурной формации. Деформирующее воздействие оказывается и на внутриличностное пространство: исчезает опора на антитетическое противопоставление, что является исходной предпосылкой, логические следствия которой – слияние чувственного и рационального начал, а в конечном итоге и методологическая невозможность отделения «Я» от «не-Я». В конечном итоге проблема идентификации становится препятствием и на пути социально-интеграционных процессов инкультурирующейся личности, определяя невозможность формирования четкого представления о личных приоритетах, а также подчинения частно-индивидуального произволения обще-социальному.

Столкновение с подобными проблемами определило актуализацию научного поиска *путей выхода* из создавшихся когнитивно-аксиологического и, как следствие, экзистенциального тупиков. Результатами подобных исследований явились предложенные современной культурой программы пост-постмодернистского ее преобразования: в частности, проект неоклассицизма, направленный на возвращение к утраченным смыслам и значениям (начиная от М. Готдинера) и коммуникационный проект (начиная от К.-О. Апеля). Возникновение данных программ ознаменовало собою поворот от постмодерна к пост-постмодерну как новому этапу развития современной культуры.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРЫ

1. Джеймисон, Ф. Постмодернизм, или логика культуры позднего капитализма / Ф. Джеймисон // Философия эпохи постмодерна : сборник переводов и рефератов / сост., ред. А.Р. Усманова. – Минск : Красико-принт, 1996. – С. 117–137.
2. Кристева, Ю. Ответы на вопросы редакции журнала «Диалог. Карнавал. Хронотоп» / Ю. Кристева // Диалог. Карнавал. Хронотоп. – 1995. – № 2. – С. 5–17.
3. Генис, А. Вавилонская башня / А. Генис // Иностранная литература. – 1996. – № 9. – С. 206–251.
4. Можейко, М.А. От «этики кодекса» к «этике творчества»: трансформации нравственного сознания в современной культуре / М.А. Можейко // Творческое наследие семьи Рерих в диалоге культур: философские аспекты осмысления : сборник науч. трудов / науч. ред. М.А. Можейко [и др.]. – Минск : Технопринт, 2005. – С. 288–322.
5. Шеффер, Ф. Он здесь и Он не молчит / Ф. Шеффер // Он здесь и Он не молчит : избранное / Ф. Шеффер. – СПб. : Мирт, 2002. – С. 247–347.
6. Ильин, И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа / И.П. Ильин. – М. : Интрада, 1998. – 255 с.
7. Шеффер, Ф. Бог Сущий / Ф. Шеффер // Он здесь и Он не молчит : избранное / Ф. Шеффер. – СПб. : Мирт, 2002. – С. 1–178.
8. Кюнг, Г. Религия на переломе времен / Г. Кюнг // Мировое древо = Arbor Mundi : Междунар. журнал по теории и истории мировой культуры / Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ин-т высш. гуманитар. исслед. – Вып. II. – М., 1993. – С. 63–76.
9. Ильин, И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И.П. Ильин. – М. : Интрада, 1996. – 255 с.
10. Клоссовски, П. Симулякры Жоржа Батая / П. Клоссовски // Танатография Эроса. Жорж Батай и французская мысль середины XX века. – СПб. : Мифрил, 1994. – С. 79–89.
11. Барт, Р. S/Z / Р. Барт. – 3-е изд. – М. : Академический проект, 2009. – 373 с.

Makarenko I.M. Identification of the Person in Postmodern Culture: Problems and Their Resolution

The article investigates the influence of postmodern culture phenomenon to the individual. Among the negative results of the postmodern paradigm impact on the phenomenon of person are the following: violations of personal identification, deformation of spectrum of the emotional palette of intrapersonal space, the violation of individual social integration. The author also points out ways to resolve the crisis of identification of the person proposed by the culture of post-postmodern.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 01.02.2012